

СНОС

ЕВГЕНИЙ ЕГОРОВ
Родился в 1993 году
в г. Екатеринбурге. Окончил
физико-технический
факультет Уральского
федерального университета.
Работает IT-консультантом.
Живет в г. Москве.

- Значит, сносить нас будут? – спросила Вера Павловна, лениво водя шваброй по старому паркетному полу.
- Похоже на то. – Владимир Петрович отложил свежий номер «Вечернего Свердловска» в сторону и отхлебнул из стакана с чаем. – Говорят, наверху постановление еще два года назад приняли. И вот только теперь собрались. Вера Павловна вздохнула.
- Наверное, это к лучшему, – после недолгой паузы произнесла она. – Нехорошее это место, Вова.
- Владимир Петрович, успевший к этому моменту достать из первого ящика своего вахтерского стола открытую пачку сушек, удивленно поднял брови.
- Что значит нехорошее? – непонимающе спросил он.
- Вера Павловна распрямилась и с раздражением посмотрела на вахтера.
- Не делай вид, будто не понимаешь, о чем я, – укоризненно заговорила она. – Тут же царя расстреляли. Вместе с семьей.
- Ах вот ты о чем, – хмыкнул Владимир Петрович и задумчиво почесал седой прокуренный ус. – Ну расстреляли. И что с того?
- А то, – горячась, продолжила Вера Павловна. – Что души здесь невинные погублены.
- Ну, положим, не совсем невинные. – Владимир Петрович окунул сушку в чай. – Вспомни, сколько царь народу загубил. Одна Ходынка чего стоит...
- А детки? – перебила его уборщица. – Великие княжны, молодой царевич. Еще и больной. Их-то за что?
- Время было такое, – отрезал вахтер. – Сама знаешь. Лес рубят – щепки летят.
- Да знаю я, – потупилась Вера Павловна. – Но все равно, не по-христиански это. Вот теперь и отзывается. Бог все видит.
- Дура ты, Вера, – покачал головой Владимир Петрович. – В Свердловске уже тридцать лет живешь, а ум все тот же, деревенский. Как будто из своего Старопышминска никуда не уезжала. Нет никакого Бога. И ерунду свою прекращай говорить. Стыдно слушать.
- А ты больно умный, – огрызнулась уборщица. – То-то вахтером работаешь на старости лет, а не профессором каким-нибудь. И никакая это не ерунда. Ты в ту комнату когда последний раз ходил?
- Владимир Петрович пожал плечами.
- А я каждый день полы там мою, – вздохнула Вера Павловна. – И с каждым днем все хуже и хуже. Плохое это место, Вова. Захожу туда – и убежать хочется. Сама не знаю почему, а страшно. Вот сейчас надо туда идти, а я боюсь.

– Хорошо, ждите наших сотрудников, – бросил дежурный и повесил трубку.

Отметив звонок в журнале регистрации, он набрал номер на селекторе внутренней связи.

– Товарищ полковник, – сказал дежурный, когда на том конце провода сняли трубку. – Докладывает дежурный офицер капитан Евсеев. Только что поступил сигнал из дома Ипатьева. Сообщают о некоей антисоветской выходке. Нет, сотрудники милиции. Не сообщили, сказали, чтобы прислали людей. Да, понял, товарищ полковник. До свидания.

Дежурный дал отбой.

Его собеседник, начальник пятого отдела УКГБ по Свердловской области, занимавший просторный кабинет тремя этажами выше, устало потер виски и откинулся в кресле.

– Ни минуты покоя, – грустно пропел он и набрал номер на селекторе.

– Фомин, – ответил мужской голос.

– Олег, это я. Тут поступил сигнал из дома Ипатьева, надо проверить. Бери с собой молодого, как там его... Морозова и поезжайте.

– А что случилось-то, Валерий Павлович?

– Пока непонятно. Сигнал поступил от ментов, они говорят, что какая-то антисоветчина. Скорее всего, опять лозунг на заборе написали, как в прошлый раз. Но все равно будьте начеку. Дом скоро снесут, мало ли, что придуркам еще в голову взбредет.

– Хорошо, Валерий Павлович, выезжаем.

Фомин положил трубку, посмотрел на Морозова, дремавшего за соседним столом, улыбнулся и громко произнес:

– Товарищ лейтенант!

Морозов встрепенулся, распрямился на стуле.

– Да, что такое, – испуганно пробормотал он, шурясь заспанными глазами.

Увидев, что, кроме Фомина, в кабинете никого нет, Морозов с облегчением рассмеялся:

– Тьфу ты! А я думал – Палыч.

– Нехорошо, Евгений Борисович, на рабочем месте спать, – с напускной строгостью покачал головой Фомин. – А в конторе – вообще никуда не годится. Помнишь такой плакат: «Сон на работе на руку врагам рабочего класса»?

Лейтенант смущенно улыбнулся.

– Понимаешь, Олег, у меня вчера у тестя юбилей был, – принялся оправдываться он. – До двух часов в БУШе* гудели. Думал, не встану. До обе-

да худо-бедно продержался, а сейчас не могу. Сплю на ходу. И башка трещит – будь здоров.

– Да уж, – протянул Фомин. – Ну и молодежь нынче пошла. Банку держать совсем разучились. Вот я в твои годы мог всю ночь куролесить, а на работе – как огурчик. Было времечко...

Его круглое, добродушное лицо расплылось в мечтательной улыбке.

– Да ладно тебе. – Морозов потянулся к графину с водой. – Ты меня всего на восемь лет старше.

– После тридцатника совсем другая жизнь начинается, – назидательно проговорил Фомин. – Сам поймешь, когда стукнет. И не заговаривай мне зубы. Только что Палыч звонил, дело есть.

– Какое? – не донес стакан до рта лейтенант.

– Опять антисоветчина в доме Ипатьева. И заниматься этим снова должны мы. Точных данных нет, Палыч предполагает, что снова лозунг на заборе. В общем, надо ехать.

Морозов разочарованно вздохнул.

– И ради этого я пять лет учился в юридическом? – недовольно пробурчал он. – Чтобы выяснять, кто намалевал какую-то чушь на доме, от которого через пару недель ничего не останется? Эх, надо было мне слушать отца и поступать в Москву. Сейчас бы...

– Опять двадцать пять. – Фомин схватился за голову. – И что бы ты делал? Шпионов ловил? Участвовал в перестрелках? Или, может, был бы бойцом невидимого фронта, как Штирлиц? Станный ты человек, Женя. Вроде бы умный парень, красnodипломник, член партии. Жена – красавица, двое детишек. А послушать – пацан пацаном. Пальба, погони. Детство в жопе так и играет.

– Ничего у меня не играет, – покраснел лейтенант. – Просто дела хочется, Олег. Настоящего дела. А не этой ерундистики. Палыч мне в первый день сказал: «Помни, Морозов, что ты находишься на переднем крае борьбы с врагами нашей социалистической Родины». А сейчас я смотрю и вижу, что никакой это не передний край. Передний край – он в Москве. А у нас глубокий тыл.

Фомин грозно сдвинул брови.

– Значит, так, лейтенант, – рявкнул он. – Мне с тобой нянчиться некогда. Хочешь в Москву – иди и пиши рапорт на перевод. Может, и удовлетворят. А пока будь добр выполнять свои должностные обязанности, одна из которых, между прочим, выезжать на места преступления. Так что прекращай ныть, собирайся

* Ресторан «Большой Урал» (разг.).

и едем на Карла Либкнехта. И чтобы я больше от тебя этого не слышал.

– Хорошо, хорошо, проехали. – Морозов примирительно поднял руки. – Сейчас себя в порядок приведу, и поедем.

Встав из-за стола, он накинул пиджак и, слегка пошатываясь, вышел из кабинета.

Фомин проводил его осуждающим взглядом.

Таким же нетвердым шагом Морозов дошел до туалета, с трудом открыл тяжелую деревянную дверь и остановился у пожелтевшей раковины.

Пустил холодную воду, сунул голову под кран.

«Зря я про Москву сказал, – размышлял лейтенант, наслаждаясь обжигающе-ледяной струей. – Совсем забыл с похмелья, что у него это большая тема. Хотя, с другой стороны, почему я должен под него подстраиваться. Он же не подстраивается. Говорит все что думает. Павка Корчагин, твою мать. А у самого изо рта воняет так, как будто кошка сдохла. Тоже мне, старший. Ладно, все, успокойся. Не зверей. У всех свои заморочки».

Напоследок прополоскав рот, Морозов выключил воду и посмотрел в зеркало.

На него смотрело худое остросулое лицо с темными кругами под глазами и юношеским румянцем на гладких щеках. Тонкие губы скривились в презрительной усмешке.

«Слабое лицо, – грустно подумал Морозов, рассматривая свое отражение. – С таким лицом не в комитете надо работать, а воспитателем в детском саду. Вот бы ямочку на подбородке, как у Палыча».

С сожалением вздохнув, он вытащил из внутреннего кармана пиджака маленькую алюминиевую расческу и принялся тщательно причесывать потемневшие от воды светло-рыжие волосы.

Спустя несколько минут, убедившись, что пробор уложен волосок к волоску, лейтенант стряхнул влагу с расчески, убрал во внутренний карман и вышел из туалета.

– Намарафетился? – усмехнулся Фомин, когда Морозов вернулся в кабинет. – Табельное оружие не забудь, Ален Делон.

Морозов промолчал.

Искоса взглянув на Фомина, он подошел к негосраемому шкафу, достал кобуру с «макаровым», прикрепил к поясному ремню. Затем одернул пиджак и коротко бросил:

– Я готов.

– Наконец-то, – вздохнул Фомин. – Думал, не соберемся.

Закрыв дверь кабинета на ключ, они спустились по лестнице и вышли во внутренний двор.

Раскаленный, пахнувший пылью воздух обдал их удушливой обжигающей волной. Солнце, начавшее клониться к закату, припекало по-летнему безжалостно.

– Ну и жара, – выдохнул Фомин, когда они подошли к одной из служебных «Волг», стоявших во дворе. – Хоть бы дождик прошел.

– Как же, дождешься. – Морозов посмотрел на безоблачное небо. – По прогнозу, всю неделю так будет.

Открыв дверь «Волги», он сел на переднее пассажирское сидение. Фомин сел за руль.

– Напомни мне потом, чтобы я Красильникову отчитался, – проговорил он, взглянув на одомер, и завел мотор.

Лейтенант кивнул.

«Волга» вырулила на улицу Вайнера, проехала мимо здания УКГБ и остановилась на светофоре перед площадью 1905 года.

– Эх, скорей бы в отпуск, – мечтательно вздохнул Морозов, разглядывая двух девушек в мини-юбках, идущих в сторону ЦУМа.

– А когда у тебя? – равнодушно спросил Фомин.

– Через две недели.

– Бархатный сезон. – Фомин завистливо поцокал языком. – И куда намылился? Снова в Ялту?

– Не, – скривился Морозов. – В последний раз Крым меня разочаровал. Яблоку негде упасть, суета, толпы быдла. Просто ужас какой-то. Поэтому в этот раз я решил посетить место потише.

– Какое?

– Рижское взморье. Тихие улочки, интеллигентные люди, хорошая еда. Одним словом, Европа. Уже и путевки взял.

– Поздравляю, – пробормотал Фомин и замолчал. Светофор загорелся зеленым светом.

«Волга» выехала на площадь, миновала здание горсовета и продолжила движение по проспекту Ленина.

– Слушай, ты же рассказывал, что Маша терпеть не может Прибалтику, – вдруг вспомнил Фомин, когда они проезжали плотину городского пруда. – Как ты ее уговорил?

По лицу Морозова скользнула тень.

– Она не едет, – пробурчал он, отвернувшись.

– Ничего себе, – удивился Фомин. – А кто за детьми смотреть будет? Неужели сам? Или родителей возьмешь?

Несколько секунд Морозов молча рассматривал узкую водную полосу Исети, стиснутую каменны-

С утра патрулировали район, все как обычно. А около часу дня нам передают, чтобы мы срочно проверили этот адрес. Мол, женщина какая-то звонила, говорит, что какого-то Вову забрали.

ми плитами набережной. Затем, поняв, что от молчать не получится, повернулся к Фомину.

– В общем... тут такое дело... один я еду, без жены и детей, – отрывисто произнес он. – То есть не совсем один.

Фомин понимающе ухмыльнулся.

– Вот это да, – присвистнул он. – И кто она?

– Елагина, из кадров, – нехотя ответил лейтенант.

– Жопастая такая, – кивнул Фомин. – Силен, ничего не скажешь. К такой бабе на кривой кобыле не подъедешь. То есть получается, – хохотнул он, – жена с детьми в Свердловске будет нянчиться, а ты кадровичку в Юрмале будешь драть. Ну и жук ты, Женя. Что Маше-то скажешь?

– В том-то и дело, – вздохнул Морозов. – Ладно хоть путевка на две недели, а не на месяц. Скажу, что в командировку отправляют. Какая-нибудь стажировка в Ленинграде.

– Правдоподобно, – одобрил Фомин. – Но почему не в Москве?

– В Москве у нее тетка живет. Может попросить что-нибудь передать – и легенде конец.

– Вы великий конспиратор, – засмеялся Фомин. – А проживание в санатории тоже продумал? Вряд ли вас поселят в один номер.

– Все схвачено, – небрежно ответил лейтенант. – Во-первых, в путевках указаны соседние номера. Ну а в случае чего всегда можно использовать убедительный аргумент.

Он похлопал себя по нагрудному карману.

– Ты еще ствол с собой возьми, – поморщился Фомин и нажал на педаль тормоза.

«Волга» остановилась на светофоре перед перекрестком улицы Карла Либкнехта и проспекта Ленина.

– А ведь нехорошо это, лейтенант, – задумчиво произнес Фомин, наблюдая за очередью у входа в «Океан». – Получается, ты позоришь моральный облик советского чекиста. Злоупотребляешь служебным положением. Это выговор, не меньше. А если Маша мне позвонит и спросит про твою командировку? Нужно будет врать, а я это ой как не люблю.

– Что ты имеешь в виду? – побледнел Морозов.

Фомин пристально посмотрел ему в глаза и неожиданно расхохотался.

– Ой, не могу, – задыхаясь, проговорил он. – Ты бы себя видел. Радистка Кэт на допросе. Картина маслом. Да расслабься, шучу я. Прикрою, конечно. Так что спокойно развлекайся со своей кадровичкой. Но вот две бутылочки рижского бальзама, будь добр, так сказать, за хлопоты...

– Да, конечно, – выдавил лейтенант.

«Волга» свернула на улицу Карла Либкнехта и направилась к Вознесенской горке.

– Не дуйся. – Фомин похлопал Морозова по плечу. – Просто вид у тебя такой был – море по колено. Захотелось тебя немножко осадить. Чтобы не зазнавался. Ну, без обид?

На узких скулах Морозова проступили желваки.

– Без обид, – процедил он сквозь зубы.

Проехав мимо темно-серого здания филармонии, «Волга» вырулила на Вознесенскую горку, свернула на улицу Клары Цеткин и остановилась у дома Ипатьева.

– Ну вот мы и на месте, – бодро произнес Фомин и заглушил мотор. – Только не встревай, как ты обычно это любишь.

– Как скажешь, – пробормотал лейтенант.

Фомин и Морозов вылезли из «Волги», миновали желто-синий милицейский «бобик» и направились к главному входу, около которого курили два милиционера.

– Комитет государственной безопасности, капитан Фомин, – показал удостоверение Фомин. – Это мой коллега, лейтенант Морозов. Нам сообщили об антисоветской провокации в доме Ипатьева. От кого поступил сигнал и что именно произошло?

Милиционеры переглянулись.

– Я звонил, – смущенно проговорил один из них, темноволосый молодой человек лет двадцати пяти. – Лейтенант милиции Шевцов. Просто мне

- сказали, что по инструкции я должен сообщить...
- Ближе к делу, – прервал его Фомин.
 - В общем... – Шевцов посмотрел на напарника, словно ища поддержки. – С утра патрулировали район, все как обычно. А около часу дня нам передают, чтобы мы срочно проверили этот адрес. Мол, женщина какая-то звонила, говорит, что какого-то Вову забрали. Ну, мы ближе всех были, приехали, зашли. Видим – за столом у входа уборщица сидит. Мы ее спрашиваем: «Вы звонили»? Она молчит. Мы к ней подходим, еще раз спрашиваем, что, мол, произошло. Ноль реакции. Тогда я решил ее по плечу похлопать. Думаю, вдруг поможет. Так она как вздрогнула, как давай на стуле раскачиваться и бормотать – мы с перепугу чуть кони не двинули. Посмотрели мы на нее и в скорую позвонили. Через двадцать минут приехали, укол поставили и забрали.
 - Крыша у нее поехала, – кивнул второй милиционер, полноватый мужчина с сержантскими погонами. – Врач сказал, что вдобавок у нее еще и сотрясение мозга. Они ее в психушку увезли, на Сибирский тракт.
 - А о чем она... – начал спрашивать Морозов, но, встретившись со взглядом Фомина, осекся.
 - Да, о чем она бормотала? – спросил тот.
 - «Не подходите к нему», – ответил Шевцов. – Только это и повторяла. Сначала мы не поняли, о чем это она. А потом я вспомнил, что она говорила про какого-то Вову. Ну, когда по телефону звонила. Судя по всему, это вахтер.
 - Почему вы так решили? – поинтересовался Фомин.
 - На спинке стула висел пиджак. В нем мы нашли паспорт на имя гражданина Караченцева Владимира Петровича, 1917 года рождения.
 - Понятно, – кивнул Фомин. – И что вы стали делать?
 - Мы решили обыскать дом. Проверили первый этаж и спустились на нижний. А там... Он замолчал.
 - Продолжайте, – нахмурился Фомин.
 - Простите, товарищ капитан, – покачал головой Шевцов. – Но лучше вам это увидеть собственными глазами.
 - Ну что ж, – вздохнул Фомин. – Пойдемте посмотрим.
- Милиционеры побросали окурки, и четверо мужчин зашли в дом.
- На нижнем этаже их встретил третий милиционер.
- Старшина милиции Ковалев, – представился он и вопросительно посмотрел на Шевцова.
 - Это товарищи из Комитета, – ответил тот. – Капитан Фомин и лейтенант Морозов. Ну, как там дела?
 - Все так же, – пожал плечами Ковалев. – Но дверь я прикрыл. На всякий случай.
- Его бледное, одутловатое лицо казалось невозмутимым.
- Да что там такое? – не выдержал Морозов.
 - Сейчас увидите, – отозвался Шевцов. – Идите за мной.
- Пройдя по коридору, они подошли к проходной комнате.
- Только внутрь не заходите, – предупредил Шевцов и открыл дверь.
- Увидев переливающийся световой поток, Фомин и Морозов застыли как вкопанные.
- Милиционеры молча наблюдали за ними.
- Что это за херовина? – первым сбросил оцепенение Фомин.
 - Мы не знаем, – ответил Шевцов. – Но думаем, что уборщица говорила про него. И, судя по всему, вахтер пропал тоже из-за него.
 - Что вы имеете в виду?
 - Мы думаем, что вахтер пошел прямо туда, – негромко произнес Ковалев.
- Фомин с сомнением посмотрел на свечение.
- На кой ему туда лезть, – пожал плечами он. – Это же черт знает что... Может, это шаровая молния какая-нибудь? Я как-то передачу по радио слушал, там один академик про них рассказывал. Залетела через форточку и застряла в комнате.
 - Товарищ капитан, на небе ни облачка, – покачал головой Шевцов. – Откуда молнии взяться?
 - Точно, – хлопнул себя по лбу Фомин. – Совсем котелок не варит. А ты что думаешь, Женья? Морозов не ответил.
- Прищурив свои чуть раскосые светло-карие глаза, он неотрывно смотрел на струящееся световое кольцо. На его лице, озаряемом голубоватыми бликами, появилось странное выражение – смесь восторженного любопытства и отвращения.
- Лейтенант, ты тут? – повисил голос Фомин.
 - Это мой шанс, – прошептал Морозов и, повернувшись к Фомину, громко произнес:
 - Я проверю, что там.
- Фомин недоверчиво наклонил голову.
- Очумел, что ли? – резко проговорил он. – Стой где стоишь. И не устраивай детский сад, перед товарищами позоришь.

на себя нашей несправедливой жизнью? И мы будем вечно взирать на последствия наших деяний, раз за разом терпя крах в попытке их исправить? Воистину, нет ничего хуже неизвестности.

- Ваше Величество, позвольте мне поделиться на сей счет кое-какими соображениями.
- Конечно, Евгений Сергеевич, надо сказать, меня обуревают любопытство! Ведь вы, как человек науки, обладаете совершенно особенным взглядом на этот мир, и, может быть, только вы в силах объяснить то, что происходит с нами сейчас.
- Ваше Величество, к сожалению, медицина нашего времени не обладала достаточными познаниями относительно процессов, происходящих с человеком при смерти. Но еще древние знахари подмечали, что некоторые умирающие рассказывали о совершенно немыслимых вещах.
- Как это называется... галлюцинации?
- Можно сказать и так, Ваше Величество. В конце прошлого столетия французские коллеги даже придумали термин для этого явления, *expérience de mort imminente**, если мне не изменяет память.
- *Expérience de mort imminente*... как поэтично, Аликс, не находишь?
- Поэтично? Ники, это же какой-то декаданс.
- Любовь моя, подлинная поэзия не принадлежит ни одному жанру. Иные пошляки с умным видом изрекают, что Пушкин, этот сверкающий алмаз, который могла произвести на свет только Россия, всего лишь основоположник реализма. А между тем Пушкин, как истинный гений, необъятен, и загонять его в какие-либо рамки есть вопиющая... Впрочем, мы несколько ушли в сторону, Евгений Сергеевич, прошу меня простить.
- Ну что вы, Ваше Величество, не стоит, право...
- Учтивость – одна из немногих радостей, которые мы можем позволить себе в текущих обстоятельствах. Так что не обессудьте, друг мой. Возвращаясь к вышесказанному... Я, признаться, заинтригован. Правильно ли я понял, Евгений Сергеевич, что по вашему предположению все происходящее с нами есть не что иное, как химера, порожденная нашим угасающим сознанием?
- Совершенно верно, Ваше Величество, вы абсолютно точно подметили самую суть моей идеи!

По всей видимости, организм умирающего человека производит особые вещества, которые воздействуют на мозг, затуманивая разум.

- Но как такое возможно? Ведь мы общаемся друг с другом, обмениваемся мыслями и суждениями, и действительность, представляющая перед нашими глазами, одинакова для каждого из нас. Неужели морок, о котором вы говорите, может быть столь... причудливым?
- Сказать по правде, Ваше Величество, в этом я вижу слабое место моей гипотезы. Могу лишь допустить, что мы столкнулись с так называемой коллективной, или массовой, галлюцинацией. Но в большинстве описанных случаев они возникали на почве самовнушения или гипноза. Что касается нас... боюсь, наука все же бессильна это объяснить.
- Евгений Сергеевич, вам не стоит сокрушаться по этому поводу. Думаю, всем нам следует признать, что мы стали свидетелями самого настоящего чуда. А чудо, друзья мои, есть божественный промысел, Его прекрасное и непостижимое творение, снизошедшее до нас, дабы напомнить, что мы лишь крохотная частица огромного древа мироздания. К сожалению, нам не дано понять все величие Его замысла, нам лишь приоткрыта замочная скважина, через которую мы видим отблески священного огня Провидения. И предназначение наше я вижу в том, чтобы выполнить Его волю, какой бы загадочной и невообразимой она ни казалась. Нам остается лишь только верить, что Господь с Россией, и все испытания, выпадающие на ее долю, есть очистительное пламя, из которого она возродится, подобно птице феникс. Но как же горько осознавать, что наше Отечество постигнет участь...
- Рара! Там снова человек!
- Как скоро! Впрочем, этого следовало ожидать. Любопытно, кто же на сей раз.
- Я вижу его, это...
- Не может быть.
- Господи, Ники, нет!
- Никогда!
- Это какая-то ужасная насмешка...
- Друзья мои, я хорошо понимаю ваше негодование, но, боюсь, нам придется несколько пересмотреть наши прежние представления о людях. Если, конечно, мы всерьез намерены осуществить предназначенное. Действительно, на первый взгляд этот молодой человек совершенно не соответствует тому образу, который сложился, пусть

* Переживание близкой смерти (фр.).

Друзья мои, я хорошо понимаю ваше негодование, но, боюсь, нам придется несколько пересмотреть наши прежние представления О ЛЮДЯХ.

и неосознанно, у всех нас. Вы скажете, что служащий учреждения, повинного в столь чудовищных злодеяниях, не может быть нашим выбором. Но мы должны понимать одну простую вещь. Россия изменилась, как и люди, населяющие ее, и этого нельзя не учитывать. Честь, благородство, самопожертвование нынче перестают быть теми нравственными идеалами, к которым когда-то стремились наши современники. Поэтому я призываю вас судить беспристрастно, основываясь на всех сторонах его личности. Пороки и добродетели, сплетенные воедино, могут породить удивительный цветок. Кто знает, быть может, нам нужен именно такой человек.

– Увы, Ники.

– Похоже, первое впечатление не обмануло.

– Как жаль...

– Да, друзья, вы были правы. Этот молодой человек, несомненно, умен и честлюбив. И так же, как и вы, я вижу в нем гордыню, малодушие и двуличие. Но не это самое страшное, нет! Ужаснее всего ощущать в нем чувство глубокого, безжалостного презрения к людям. Смертоносное растение, которое Евгений Сергеевич несколько легкомысленно назвал «большевистской охранкой», уже успело заронить свои отравленные семена в эту еще отчасти юношескую душу. Романтизм, свойственный молодости, уйдет, сменяемый холодной прагматичностью вкупе с опьяняющим наслаждением властью. Пока эта власть мала, но что будет, если она возрастет многократно, поддержанная полученным от нас знанием? Боюсь, в этом случае судьба России окажется для него менее значимой, чем те несомненные личные выгоды, которые он обретет, оказавшись на вершине.

– Власть всегда меняет людей, Ники, и ты знаешь это как никто другой. Сложно предугадать, в какую сторону качнется этот маятник. Иоанн Грозный наслаждался криками несчастных, которых варили в кипятке, а твой дед, Царь-освободитель, милостиво даровал крепостным волю. Что только не видела Русь-матушка... Но каждый из царей думал в первую очередь о ней, о ее будущем, о том, какую страну они оставят своим детям, внукам и правнукам. Глядя же на этого самодовольного молодого... опричника, да, именно опричника, я вижу только мещанское своекорыстие, приправленное растущей жестокостью. Конечно, он умен, но...

– Аликс, вот это меня и тревожит! Мы отвергаем уже второго человека, причем, в отличие от предыдущего, куда более способного. Я согласен с тем, что его пороки серьезны, и мы не можем закрывать на них глаза, но вдруг это наш последний шанс? Ведь мы не знаем, сколько еще времени нам отпущено. Что, если чудо, очевидцами которого стали мы все, рассеется прежде, чем у нас получится сделать выбор? Быть может, нам следует попытаться? Ты верно сказала, что почти невозможно предсказать, в какую сторону изменит человека власть. Вдруг все же это будет лучшая сторона.

– А если нет? Что, по-твоему, лучше, Ники, – оставить все как есть или рискнуть и получить, возможно, худший из исходов? На мой взгляд, ответ очевиден.

– Любовь моя, прости меня. Ты совершенно права. Мы не можем быть авантюристами в этом судьбоносном деле, и твое мудрое женское сердце помнит об этом куда лучше, чем мое. Простите меня, друзья! Это была минутная слабость.

– Рара, выходит, мы снова должны ждать?

– Увы, Алексей. Надеюсь, Господь не отвернется от нас, и мы сможем осуществить предначертанное.

– Иного пути у нас нет.

– Да поможет нам Бог.

* * *

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, крепкий сорокашестилетний мужчина с массивным крестьянским лицом, сосредоточенно изучал проект метрополитена, когда из селектора раздался голос секретарши:

– Борис Николаевич, у вас через десять минут встреча с Юрием Ивановичем и его коллегами

из Комитета государственной безопасности. Он сказал, что это очень важно.

Первый секретарь поморщился, нажал на кнопку селектора и проговорил в пластиковую решетку: – Спасибо, Света.

И снова уткнулся в проект. По плану Харьковского проектного института, через город предполагалось проложить три ветки. Первая должна была идти с Уралмаша до Уктуса. Вторая, идущая с запада на восток, соединила бы УПИ и ВИЗ. Третья – Юго-Запад и район станции «Аппаратная».

«Оптимисты, – с грустной усмешкой подумал первый секретарь. – Дай бог, одну согласуют. Мы же не Москва. Там семь миллионов, столица, пассажиропоток ого-го. А мы что? Так, миллион еле-еле наковыряли, какие у нас пассажиропотоки. Одной ветки за глаза хватит. Снобы московские... Тут и выбирать нечего, с Уралмаша на юг, через площадь. На демонстрации будут ездить. Надо записать, кстати, для митинга пригодится».

Вытащив из внутреннего кармана пиджака маленькую записную книжку, он быстро набросал несколько предложений.

«Нужно постановление Политбюро, – продолжал размышлять первый секретарь, просматривая эскизы вестибюлей станций. – Придется ехать к генеральному. И чтобы лично подписал. И зарегистрировать, обязательно зарегистрировать. Иначе задвинут. Какие же все-таки сволочи. Ведь он вообще не понимает, что происходит. Первый человек в государстве! Куда же мы плывем, спрашивается?»

– В светлое будущее, – угрюмо произнес он вслух.

Отложив проект, первый секретарь встал из-за стола, подошел к приоткрытому окну.

Темнело в августе рано, и на город уже успели опуститься сумерки. В тусклом свете фонарей виднелись силуэты влюбленных парочек, занявших скамейки возле фонтана. Редкие прохожие торопливо проходили мимо них и исчезали в полумраке аллей, пересекающих площадь. Сквозь вечернюю тишину доносился тихий гул голосов, всплески приглушенного смеха, перезвон проезжающих трамваев.

Первый секретарь на мгновение закрыл глаза. Он вспомнил, как пришел на эту площадь вместе с Наей в июне 1953-го, после сдачи зачета по строительной механике. Зачет прошел быстро: преподаватель, пожилой еврей с добрыми рачьими глазами, уточнил фамилию, задал несколько во-

просов про степени свободы систем и, усмехнувшись, расписался в зачетке, напоследок пожелав хорошо выступить на осенних соревнованиях. Ная ждала его внизу, на скамейке у главного здания, красивая, зеленоглазая, в летнем платье с ярким цветочным узором. Он хорошо помнил это платье, потому что оно необыкновенно шло ей, очень нарядное, почти вечернее, пошитое из трофейного шелка, который привезли из Германии Наины родственники.

Тогда они долго гуляли по улице Ленина, укрываясь от солнца в тени бульваров. Он много острил, смешил Наю забавными историями из жизни своих одногруппников и даже пытался изображать миниатюры Тарапуньки и Штепселя, пластинку с записями которых недавно купил его сосед по общежитию. Иногда он обрывал себя на полуслове и с серьезным видом начинал рассказывать какой-нибудь неожиданный факт, вычитанный из Большой советской энциклопедии, наслаждаясь тем, как смеющееся лицо Наи на миг приобретало озадаченное выражение, а затем вновь расплывалось в улыбке.

Увлеченные друг другом, они не заметили, как дошли до сквера на площади Труда. Присев на ближайшую скамейку, Ная, немного стесняясь, заметила, что не отказалась бы от мороженого, он быстро добежал до лотка и вернулся с пломбиром, зажатым между двумя круглыми вафлями. – Спасибо, – улыбнулась Ная.

И глядя, как робко она откусывает от мороженого маленькие кусочки, осторожно придерживая его за вафельные кружки, он вдруг отчетливо понял, что по-настоящему любит Наю, что это именно любовь, а не одна из тех мимолетных влюбленностей, порой случавшихся с ним на танцах или в коридорах института, и вся дальнейшая жизнь – бессмысленна, если в ней не будет этой красивой застенчивой девушки, которая сидит сейчас рядом с ним, ест пломбир и смотрит на фонтан.

Потом были областные соревнования по волейболу, защита диплома, распределение в трест «Уралтяжтрубстрой», где за год он освоил двенадцать строительных специальностей, свадьба с Наей, рождение двух дочерей, вступление в КПСС, назначение в Свердловский домостроительный комбинат, перевод на партийную работу в Свердловский обком, долгие семь лет в должности завотделом строительства, неожиданный вызов в Москву, в ЦК, где много спрашивали про обстановку в обкоме, положение дел в области, разговоры были аккуратные, прощупывающие,

вскоре за ними последовала встреча с Брежневым, который сообщил, что Политбюро рекомендовало его на должность первого секретаря Свердловского обкома, на место переведенного в секретариат ЦК Рябова.

Он принял предложение и стал полноправным хозяином области со всеми соответствующими привилегиями: роскошной госдачей на озере Балтым, путевками в цековские санатории и новенькой «Чайкой» с личным водителем. Первые месяцы прошли в счастливом головокружении, восторг бил через край, работа кипела, он не замечал, как понедельник сменяется пятницей, а ноябрь – февралем.

Но сейчас, спустя почти год после назначения, стоя у окна и глядя на *свой* город, он внезапно почувствовал, что к нему начало возвращаться мучительное чувство *застоя*, впервые возникшее у него после первых двух лет на посту завотделом.

«А что дальше? – тоскливо спросил себя первый секретарь. – Сидеть в Свердловске, пока не вынесут ногами вперед? И смотреть, как старые маразматика окончательно все просрут? Нет, надо двигаться дальше. Сначала в члены ЦК. Потом в Москву. А дальше посмотрим. Им всем под восемьдесят, через пару лет начнут давать дуба. Но как пробиться? Поговорить с Рябовым? Вряд ли поможет, ему не нужны те, кто могут его подписать. “Сиди у себя и не высовывайся”. Тогда к кому? Кириленко? Тоже вряд ли: слишком давно в Кремле, лично меня не знает. Как же быть...»

Погрузившись в свои мысли, он не сразу услышал голос секретарши:

– Борис Николаевич, к вам пришли товарищи из Комитета государственной безопасности. Борис Николаевич, вы меня слышите?

– Да, Света, – ответил первый секретарь, подходя к столу. – Скажи, пусть заходят.

Через несколько секунд в кабинет вошли трое мужчин: начальник УКГБ, начальник пятого отдела и Фомин, держащий в руках черную кожаную папку.

– Здравствуйте, товарищи, – поприветствовал их первый секретарь.

– Здравствуйте, Борис Николаевич, – ответил начальник УКГБ, а Фомин и начальник пятого отдела вежливо кивнули.

Первый секретарь подошел, пожал каждому руку и жестом пригласил сесть за стол для заседаний. Затем вернулся за свой стол, выждал небольшую паузу и негромко спросил, обращаясь к начальнику УКГБ:

– Чем обязан, Юрий Иванович?

Начальник УКГБ поджал губы, отчего его широкое бледное лицо приняло виноватое выражение, и с неохотой проговорил:

– Борис Николаевич, у нас ЧП.

Первый секретарь вздохнул, устало потер переносицу.

– Что случилось? – спокойно спросил он. – И где?

– В доме Ипатьева произошел... – начальник УКГБ не сразу подобрал подходящее слово, – инцидент.

«Этого только не хватало, – мрачно подумал первый секретарь. – Так и знал, что это рябовское наследство мне еще аукнется. Хитер, ничего не скажешь. Постановление о сносе ведь еще в 75-м приняли. А он все тянул. И как ловко: “Памятник истории”, “Краеведы против”. Не подкопаешься! Теперь в Москве, а козлом отпущения буду я. И уже не рыпнуться. “Скоро годовщина расстрела, нельзя допустить, чтобы дом стал объектом поклонения”. Как говорится, шаг вправо, шаг влево... И сейчас какой-то инцидент на мою голову».

– Так что случилось, Юрий Иванович? – поинтересовался он.

– Это так с ходу не объяснить, – криво усмехнулся начальник УКГБ. – Тут нужен непосредственный участник событий. – Он посмотрел на Фомина. – Скажу заранее, что история совершенно невероятная и на первый взгляд прозвучит как бред сумасшедшего. Я и сам не поверил, пока не увидел. Так что дослушайте до конца, а уж потом задавайте вопросы. Олег, передаю слово тебе.

– Спасибо, Юрий Иванович, – кивнул Фомин и повернулся к первому секретарю. – Капитан Фомин, пятый отдел. Сегодня около трех часов дня мы вместе с моим коллегой лейтенантом Морозовым выехали по вызову из дома Ипатьева. Сигнал поступил от сотрудников милиции, которые сообщили про некий инцидент. Мы приехали на место, встретились с ними. Милиционеры рассказали, что ранее их вызвала уборщица, сообщив по телефону, что кто-то забрал их вахтера. Более подробно ее расспросить им не удалось, поскольку к моменту их приезда она находилась в состоянии потрясения, которое затем перешло в помешательство. Не обнаружив вахтера, милиционеры провели обыск дома, после которого приняли решение вызвать нас. Собственно, вот и весь их рассказ... Затем они провели нас на нижний

этаж, где продемонстрировали... объект, найденный ими при обыске дома.

- Объект? – переспросил первый секретарь.
- Да, так мы его теперь называем. Он представлял собой какую-то светящуюся газообразную... – Фомин растерянно посмотрел на своего начальника.
- Субстанцию, – подсказал тот.
- Да, субстанцию. Она находилась на месте двери в комнату, где расстреляли царя. После визуального осмотра, который мы произвели на расстоянии, лейтенант Морозов, по-видимому, принял решение непосредственно ознакомиться с объектом. Сделав несколько шагов в его сторону, он крикнул, что его начинает затягивать, и продолжил движение. В итоге лейтенанта затянуло туда, и он исчез. Вот и все, если вкратце.

Закончив, Фомин переглянулся с начальниками, и все трое вопросительно посмотрели на первого секретаря. Тот, ошеломленный услышанным, молча переводил взгляд с одного на другого.

- Это какая-то шутка, – наконец произнес он. – Вы меня разыгрываете?
- Начальник УКГБ грустно улыбнулся.
- Борис Николаевич, наша профессия не располагает к юмору, – покачал головой он. – Особо в отношении высших должностных лиц.
- Тогда как это понимать?
- Ровно так, как вы это услышали. Наши сотрудники обнаружили в доме Ипатьева неизвестное явление. Один из сотрудников, по всей видимости, стал жертвой этого явления. Это все, что мы имеем на данный момент.
- Первый секретарь недоверчиво хмыкнул.
- Слышал я про такие явления, – проворчал он. – Помню, мать рассказывала, что у них в селе, году в 32-м, неожиданно стали падать надои у колхозных коров. Прежде с одной коровы было ведро в день – и вдруг только половина едва набегает. Мужики в затылках чесали. Думали, болезнь какая или, может, с сеном что-то. Нет, все в порядке. Долго понять не могли, что не так. Оказалось, сосед сделал ключ от коровника у кузнеца и по ночам с братом потихоньку сдаивал. Все по указу 7–8 пошли – и братья, и кузнец. Вот вам и загадка. Все в этом мире имеет объяснение.
- К сожалению, выходит, что не все, – развел руками начальник УКГБ. – Мы понимали, что эта история прозвучит нелепо и вы нам не поверите, поэтому принесли доказательства. Олег, покажи.

Фомин открыл папку, вытащил оттуда несколько фотографий и положил их на стол перед первым секретарем. Фотографии были необычные: маленькие, квадратные, с неестественно яркими цветами.

- Моментальные, – пояснил начальник пятого отдела. – Американская новинка, коллеги привезли из командировки.

Первый секретарь с любопытством взял одну из глянцевых карточек, поднес к глазам. На снимке были запечатлены темные стены комнаты, которые заканчивались большим светящимся кругом ярко-зеленого цвета. Искажение оттенков делало фотографию чересчур насыщенной, придавая ей сходство с рисунком из детской книжки.

«Северное сияние какое-то», – подумал первый секретарь, откладывая карточку в сторону, и вслух спросил:

- Товарищи, а вы точно уверены, что это что-то неизвестное? Может, молния какая-то или газ?
- К сожалению, точно, – ответил начальник УКГБ. – Те немногие исследования, которые мы отважились провести, это показали.
- Исследования? Вы там консилиум собрали, что ли? – попытался пошутить первый секретарь.
- Борис Николаевич, ну что вы, – скривился начальник УКГБ. – Вы же понимаете, что чем меньше людей знает про это, тем лучше. Нам не нужно, чтобы завтра у дома собралась толпа, которая будет говорить про «чудо на месте гибели царя». Поэтому мы приняли решение засекретить этот инцидент и ограничить число допущенных к нему лиц.
- И сколько человек в курсе?
- Теперь вы, я, Валерий Павлович, капитан Фомин, двое сотрудников, которые сейчас охраняют вход, и три человека внутри, которые ведут наблюдение. Собственно, они и провели предварительный анализ этого явления. Ну и соответственно, трое милиционеров и уборщица. Хотя уборщицу не стоит брать в расчет, она сейчас в областной психбольнице, врачи говорят, что надежд мало. Врачи, кстати, не знают, что произошло, к моменту приезда скорой речь уборщицы стала бессвязной, а по дому они не ходили. Так что для них она просто пожилой человек, у которого внезапно, извиняюсь за выражение, поехала крыша. С милиционерами же была проведена беседа, взяты подписки о неразглашении – там все серьезно, вплоть до высшей меры.
- Вы еще говорили про вахтера, – наморщил лоб первый секретарь.

- С вахтером пока непонятно. Его так и не нашли, милиционеры считают, что он так же, как и наш лейтенант, был поглощен объектом. Единственным человеком, кто мог бы это подтвердить или опровергнуть, была уборщица. Больше в доме людей не было, всех остальных служащих перевели в другие помещения пару дней назад.
- Понятно, – кивнул первый секретарь.
- Встав из-за стола, он молча походил по кабинету, сцепив руки за спиной. То, что он услышал от сотрудников КГБ, было совершенно нелепо, невысказано, даже безумно. Но они говорили серьезно, явно веря в свои слова. И эти фотографии...
- Хорошо, – проговорил первый секретарь, вернувшись к своему столу. – Вы меня убедили. Что дальше?
- Пока ничего, – пожал плечами начальник УКГБ. – Мы решили проинформировать вас, прежде чем сообщать в Москву. Чтобы не возникло... неловких ситуаций. Так что вы пока занимайтесь своими делами, а мы свяжемся с Лубянкой и получим дальнейшие указания. Они более компетентны в таких вопросах.
- Первый секретарь нахмурился.
- Юрий Иванович, я думаю, вам пока не стоит топиться с докладом, – заметил он. – Вот что: я хочу сам посмотреть на эту штуку. И прямо сейчас. Чтобы, так сказать, иметь собственное представление. А потом можете и Москву запрашивать.
- Начальник УКГБ растерянно переглянулся с подчиненными. Предложение первого секретаря застало их врасплох.
- Борис Николаевич, вы уверены? – с тревогой спросил начальник УКГБ. – Мы же не знаем, что это такое. Вдруг что-то пойдет не так и...
- Не волнуйтесь, – улыбнулся первый секретарь. – Я аккуратно, одним глазком. Как говорится, бог не выдает, свинья не съест.
- Но...
- Никаких «но», – отрезал первый секретарь. – Пока что я отвечаю за область и за этот город. И я должен знать, что тут происходит. К тому же я буду не один, а с вами. Разве Комитет государственной безопасности не сможет обеспечить мою безопасность?
- Ну-у... – неуверенно протянул начальник УКГБ. – Если вы там будете недолго, то, пожалуйста...
- Вот и хорошо, – кивнул первый секретарь. – Тогда едем.

Поняв, что переубедить его уже не получится, начальник УКГБ выразительно посмотрел на Фомина и начальника пятого отдела, словно говоря: «Вы сами все видели». Затем все трое встали и вышли из кабинета. Первый секретарь двинулся за ними.

– Света, я уехал, – бросил он секретарше в приемной.

Они спустились по лестнице, вышли во двор. У входа стояли две машины: «Чайка» первого секретаря и «Волга» начальника УКГБ. Рядом с ними прохаживались водители.

– Вы со мной или сами? – спросил первый секретарь у начальника УКГБ.

– Сами, – ответил тот. – Нам надо еще обсудить несколько рабочих вопросов.

– Тогда встречаемся на месте.

Первый секретарь махнул своему водителю, открыл дверцу «Чайки» и сел на заднее сиденье. Водитель сел за руль, завел мотор.

– До Балтыма, Борис Николаевич? – спросил он.

– Пока нет, Алексей, – ответил первый секретарь. – Отвези меня к дому Ипатьева. Помнишь, где он?

– Конечно, Борис Николаевич. Тут и ехать нечего, пешком дойти можно. А что у вас там?

– Да так, – пробормотал первый секретарь. – Нужно решить один вопрос с товарищами, по поводу дома.

– Ничего себе, – удивился водитель. – Его же вроде сносить хотели. Неужто передумали?

Первый секретарь не ответил.

«Чайка» выехала на проспект Ленина, свернула на улицу Толмачева и через несколько минут подъехала к дому Ипатьева. Вскоре рядом остановилась «Волга» начальника УКГБ.

– Подожди тут, – сказал первый секретарь водителю. – Я ненадолго.

– Хорошо, Борис Николаевич, – ответил тот.

Первый секретарь вылез из машины и посмотрел на дом.

Это было двухэтажное каменное строение, выполненное в русском стиле с элементами модерна. Построенное почти сто лет назад, сейчас оно имело обветшалый вид: стены, выкрашенные в кремово-коричневый цвет, покрылись трещинами, оконные стекла помутнели от пыли, а некогда белые полуколонны пожелтели. Но, несмотря на внешние признаки угасания, дом производил благоприятное впечатление, всем своим видом показывая, что может простоять еще лет пятнадцать.

- Любуетесь? – спросил начальник УКГБ, подошедший вместе с Фоминым и начальником пятого отдела.
- Красивый дом, – тихо ответил первый секретарь.
- Вам, как профессионалу, виднее. Но давайте не будем задерживаться, мы привлекаем внимание. – Начальник УКГБ показал глазами на прохожих, которые с любопытством смотрели на «Чайку» и «Волгу», негромко о чем-то переговариваясь.
- Первый секретарь кивнул, и они быстро двинулись к главному входу.
- А днем зевак не было? – спросил первый секретарь у Фомина, поднимаясь на крыльцо.
- Нет, – ответил тот. – Милиционеры потом мне рассказали, что еще до нашего приезда прохожие подходили и интересовались, но быстро разошлись. Им сказали, что от жары у женщины случился инсульт. Вы скажите, какие молодцы, Борис Николаевич? А то сейчас бы через толпу продирались.
- Умно, – согласился первый секретарь.
- Они зашли в дом. У дверей их встретил оперативник.
- Здравствуйте, – поздоровался он, округлив глаза при виде первого секретаря.
- Все нормально, – успокоил его начальник УКГБ. – Борис Николаевич хочет посмотреть на объект. Как обстановка?
- Виктор с Максимом пробили стену, – ответил второй оперативник, который сидел за столом вахтера. – А так без изменений.
- Какую стену? – не понял первый секретарь.
- В ту самую комнату, – объяснил Фомин. – Через дверь теперь в нее не попасть. А там могут быть вахтер и Женя.
- Нет их там, – ответил оперативник. – Так Смоляков сказал, вам лучше поговорить с ним. Мы вниз стараемся лишний раз не соваться. Согласно приказу.
- Все правильно, – кивнул начальник УКГБ. – Пойдемте.
- Спустившись на нижний этаж, они оказались в полутемном коридоре, где едва не столкнулись с худощавым мужчиной лет сорока, одетым в темно-синюю мохеровую кофту.
- Осторожнее, – буркнул тот, но, увидев первого секретаря и начальника УКГБ, смущенно добавил: – Прошу прощения. Здравствуйте, Борис Николаевич.
- Николай Викторович Смоляков, доцент кафедры теоретической физики УПИ, – представил его начальник УКГБ. – Ранее он нас консультировал по нескольким околонуучным вопросам. Как успехи, Николай Викторович?
- Пока никак, – покачал головой тот. – На данный момент у меня все еще не сложилось определенного представления о том, что это может быть. Правда, и оборудования недостаточно. Но те же спектры показывают, что это что-то...
- Николай Викторович, давайте по существу, – прервал его начальник УКГБ. – Расскажите Борису Николаевичу в двух словах, что вам удалось выяснить.
- На самом деле немного. Объект представляет собой сгусток неизвестного светящегося газообразного вещества размером около двух метров в ширину, двух метров в высоту и полметра толщиной. У него постоянная температура, равная примерно двадцати трем градусам Цельсия, объем также не изменяется. Объект практически никак не взаимодействует с окружающей средой, за исключением выделения небольшого количества озона, которое мы зафиксировали при помощи спектрометра. Теперь про исследования... Визуальный осмотр не подтвердил наличие какого-либо излучения, воздействующего на сознание. – Смоляков с усмешкой взглянул на Фомина.
- Женя долго пялился на него, – пробормотал Фомин, покраснев. – Вот я и подумал, мало ли...
- Мы по очереди вставали на том же расстоянии от объекта, что и вы, но никто не побежал в комнату сломя голову, – звенящим голосом произнес Смоляков. – Как говорится, один раз – случайность, два – совпадение, три – статистика. Предлагаю все же вернуться к науке. После визуального осмотра мы приняли решение исследовать объект с помощью бороскопа. В ходе исследований объект никак не реагировал на прибор, на основании чего мы предположили, что он взаимодействует только с живыми существами. Также бороскоп показал, что дверь, на месте которой находится объект, отсутствует.
- Ничего себе, – сощурился начальник УКГБ.
- Да... Что с ней стало, неясно. Скорее всего, ее постигла судьба вашего коллеги. Хотя это несколько противоречит предыдущей гипотезе про выборочное взаимодействие... Как бы то ни было, бороскоп без проблем прошел сквозь объект, и мы увидели комнату.
- Ту, в которой расстреляли царя? – уточнил первый секретарь.

- Да, ее. Она, кстати, пустая, поэтому вопрос, что стало с вашим коллегой, остается открытым. На всякий случай я попросил сделать пролом в стене, чтобы осмотреть объект с другой стороны. Картина абсолютно идентичная.
- А что скажете по поводу притяжения? – спросил Фомин. – Я сам видел, как лейтенанта будто бы тащило туда.
- Мы решили не рисковать, – усмехнулся Смоляков. – Судя по всему, радиус действия этого явления, если оно, конечно, существует, распространяется только на проходную комнату и смежное с ней помещение. Так что мы поставили стулья перед дверью и проломом, чтобы кто-нибудь ненароком не зашел.
- Какие еще исследования успели провести? – спросил первый секретарь.
- Только те, что я перечислил. И еще поставили кинокамеру, чтобы запечатлеть этот феномен на пленке. Хорошо бы, конечно, провести опыты с живыми существами – собаку бы какую-нибудь запустить в комнату или мышь. Но пока не стали. Ведь мы ждем инструкций из Москвы, я правильно понял? – Смоляков посмотрел на начальника УКГБ.
- Да, все верно, – кивнул тот. – Сейчас Борис Николаевич посмотрит, и мы запросим Лубянку. Скорее всего, они пришлют своих ученых.
- Кто бы сомневался, – вздохнул Смоляков. – Хотя с их оборудованием... эх... Он мечтательно прищурился и покачал головой.
- Спасибо за обстоятельный рассказ, Николай Викторович, – проговорил первый секретарь и посмотрел на остальных. – Ну а теперь, товарищи, покажите мне это загадочное явление. Не терпится уже увидеть.
- Идемте, – кивнул начальник УКГБ, и они двинулись по коридору.
- Впереди шел Фомин, затем начальник пятого отдела и начальник УКГБ, а последними – Смоляков и первый секретарь.
- Скажите, Николай Викторович, – вполголоса спросил первый секретарь у Смолякова, – а сами вы что думаете по этому поводу? После всех исследований у вас же должны быть какие-то предположения.
- Смоляков внимательно посмотрел на него.
- Знаете, Борис Николаевич, – задумчиво произнес он, – это, конечно, совершенно антинаучно, и я стараюсь отгонять такие мысли... Но нельзя не учитывать тот факт, что все это происходит на месте убийства царя.
- Вот и я думаю о том же, – проворчал первый секретарь.
- Коридор закончился, и они остановились в небольшом предбаннике перед проходной комнатой. Это помещение было теперь чем-то средним между лабораторией и строительной площадкой. На столе, стоявшем возле стены, разместились измерительные приборы, накрытые брезентом. Пол был усеян обломками кирпича, кусками штукатурки и обрывками обоев. Проем двери, распахнутой настежь, перегораживал стул. Напротив стояла кинокамера на треноге, рядом с которой отдыхали двое мужчин лет тридцати.
- Здравствуйте, – вскочили они, увидев первого секретаря.
- Это наши сотрудники, – сказал начальник пятого отдела. – Помогают Николаю Викторовичу. Как дела, ребята?
- Нормально, – ответил один из мужчин, стриженный под полубокс.
- Без изменений, – добавил второй, рыжеволосый. – Разве что стену сломали, но вам, наверное, Николай Викторович уже рассказал.
- Да, рассказал, – кивнул начальник УКГБ. – Борис Николаевич хочет посмотреть на объект.
- Пожалуйста, – ответил рыжеволосый. – Подходите к стулу.
- Первый секретарь направился было к двери, но начальник пятого отдела аккуратно придержал его за руку.
- Извините, Борис Николаевич, – вежливо сказал он и посмотрел на начальника УКГБ. – Юрий Иванович, я вот что подумал. Может, остановить съемку? А то мало ли, в Москве потом посмотрят – и у Бориса Николаевича возникнут проблемы. Скажут, зачем лез на рожон и все такое. Как считаете?
- Пожалуй, – согласился тот. – Борис Николаевич, не возражаете?
- Вам видней, – пожал плечами первый секретарь.
- Хорошо, – кивнул начальник пятого отдела и повернулся к сотрудникам. – Остановите съемку.
- Стриженный наклонился к камере.
- Готово, – сказал он, повернув рычаг. – Можно идти.
- Наконец-то, – усмехнулся первый секретарь.
- Он подошел к двери, остановился перед стулом. И увидел светящийся круг.
- Ядреный корень, – вырвалось у него.
- Он никогда не видел ничего подобного. Свечные мерцало, переливалось, струилось. Оно вра-

села над полом, а затем с тихим треском рас-
творилась в воздухе.

– Но почему? – прошептал Смоляков.

Начальник УКГБ наклонил голову, пытаясь
осмыслить увиденное.

– И как теперь... – пробормотал он, оторопело
глядя на дверь, которую скрывало свечение.

– Что, что, Юрий Иванович? – переспросил на-
чальник пятого отдела.

Но прежде, чем начальник УКГБ успел отве-
тить, дверь открылась.

На пороге стоял первый секретарь.

– Товарищи... – простонал он заплетающимся язы-
ком.

Пошатываясь, он добрал до входа в комнату
и рухнул на чьи-то руки. Его осторожно положили
на пол. Первый секретарь тяжело дышал, его лоб
покрыла испарина, седеющий чуб сбился набок.

– Борис Николаевич, – услышал он голос началь-
ника УКГБ. – Что произошло? С вами все в по-
рядке?

– Да, да... – с трудом проговорил первый секре-
тарь. – Это... совершенно... просто невозможно...
Они... они...

– Кто «они»? – наклонился к нему начальник
УКГБ. – Что там с вами случилось? Вы что-то
видели?

Тот медленно перевел на него взгляд. Слегка
помутневшие голубые глаза первого секретаря
понимающе прищурились, несколько раз моргну-
ли. И застыли, приняв настороженное выражение.

– Нет, ничего, – помолчав, произнес он. – Только
свет. Он был везде.

– А про кого вы тогда говорили «они»? – удивил-
ся начальник УКГБ.

Первый секретарь скрипнул зубами.

– Помогите мне встать, – попросил он.

Фомин и рыжеволосый протянули ему руки, по-
могая подняться. Встав на ноги, первый секре-
тарь пригладил волосы, вытер лоб, отряхнулся
и посмотрел на начальника УКГБ.

– Юрий Иванович, я приношу извинения за эту
выходку, – медленно проговорил он. – Сам не
знаю, что на меня нашло. Когда я оказался
там, я не видел ничего, кроме света. Он слепил
меня, и я зажмурился. И еще я слышал странный
звон. Словно звонили колокола. Вот про них
я и говорил. А потом я оказался в той комнате
и увидел тела.

– Тела? – переспросил начальник УКГБ и недо-
уменно посмотрел на начальника пятого отде-
ла, стоявшего за спиной первого секретаря.

Тот покрутил пальцем у виска.

– Я не сумасшедший, – резко произнес первый
секретарь, увидев выражение лица собеседни-
ка. – В соседней комнате действительно лежат
два тела. Можете сами убедиться.

– Олег, проверь, – бросил начальник пятого от-
дела.

Фомин с опаской зашел в проходную комнату,
робко двинулся к двери.

– Не бойтесь, там уже ничего нет, – сказал ему
первый секретарь.

Фомин недоверчиво кивнул.

Подойдя к двери, он заглянул в комнату. И бы-
стро крикнул.

– Да, тут двое.

Через несколько минут в предбанник перенес-
ли безжизненные тела Морозова и вахтера. Их по-
ложили на пол, накрыв брезентом.

– Признаков насильственной смерти нет, – заме-
тил Фомин. – Нужна экспертиза.

– Но в комнате же было пусто, – озадаченно про-
бормотал рыжеволосый. – Мы же сами смотрели.
Как такое возможно?

– Я думаю, это связано с Борисом Николаеви-
чем, – негромко произнес Смоляков.

Все посмотрели на него.

– На что это вы намекаете, Николай Викторо-
вич? – нахмурился первый секретарь.

– Я? Ни на что. Просто рассуждаю вслух. В объ-
ект зашли трое человек. Двое погибли, а вы
вернулись. После этого объект исчез. Почему?

– Откуда я-то знаю, – холодно ответил первый
секретарь. – Я вам уже рассказал, что видел.
Свет, колокольный звон. И я снова в комнате.

– Да, я слышал, – кивнул Смоляков.

– Ну а что вам еще нужно? Я бы с радостью вам
помог, но вы же все слышали. И я не знаю, поче-
му они погибли, а я выжил. Вы сами говорили,
что это неизвестное науке явление. Как мы во-
обще можем что-то про него понять?

– Борис Николаевич, не нервничайте, – успо-
каивающе похлопал его по плечу начальник
УКГБ. – Вам сейчас не надо волноваться. Нико-
лай Викторович просто пытается проанализи-
ровать случившееся с точки зрения науки. Его
выводы могут нам понадобиться, когда будем
готовить доклад в Москву.

– Доклад? – поднял брови первый секретарь.

– Ну да. Надо же им сообщить о том, что тут про-
изошло.

– А что вы им скажете? – с усмешкой спросил
первый секретарь. – Что тут была какая-то

- светящаяся штука, которая потом исчезла. Они попросят доказательства.
- У нас есть, – неуверенно сказал начальник пятого отдела. – Фотографии, киноплёнка. Показания очевидцев.
 - Бросьте, – поморщился первый секретарь. – Это все можно подделать. Вот если бы эта штука до сих пор бы была здесь... А так... Подумают, что вы их разыгрываете. Или, чего хуже, сошли с ума. Вы же помните, с каким лицом я выслушивал ваш рассказ.
 - Но у нас два трупа, – почти с отчаянием воскликнул начальник УКГБ. – И если вы бы нас поддержали, подтвердив, что...
 - Я не собираюсь этого делать, – отрезал первый секретарь. – Я не для того семь лет ждал этот пост, чтобы через год вылететь из-за сомнительных провокаций. И вам не советую кому-либо рассказывать об этом. А по поводу трупов... Придумайте что-то. У вахтера вполне мог случиться сердечный приступ по пути домой. А с вашим лейтенантом мог произойти несчастный случай на работе. Ну или что-то вроде этого. Не мне вас учить, вы люди опытные...
 - Борис Николаевич...
 - Юрий Иванович, – жестко проговорил первый секретарь. – Я своего решения не изменю. Вам нужно замять эту историю. Так будет лучше для всех. И еще кое-что, – добавил он вкрадчиво. – Если я узнаю, что вы все-таки дали ход этой истории, то у вас могут возникнуть большие проблемы. У меня есть знакомые и в ЦК, и на Лубянке. Так что давайте лучше работать сообща. Худой мир, как говорится...
 - Хорошо, Борис Николаевич, – угрюмо произнес начальник УКГБ. – Мы все сделаем.
 - Ну вот и славно, – улыбнулся первый секретарь. – Надеюсь, мы друг друга поняли. Так что работайте. А я, пожалуй, поеду домой.
 - Вы уверены? – спросил его начальник пятого отдела. – Может, покажетесь врачу? Можно в нашу медсанчасть.
 - Не стоит, – отмахнулся первый секретарь. – Мне уже лучше. Звон прошел, глаза уже видят нормально. Потом как-нибудь.
 - Потом так потом, – развел руками начальник пятого отдела. – Но если вы почувствуете себя как-то не так, то сообщите, пожалуйста, нам.
 - Да-да, обязательно, – кивнул первый секретарь. – До свидания, товарищи. Провожать не надо.

Попрошавшись, он направился в сторону лестницы.

- Борис Николаевич, – окликнул его начальник УКГБ. – А что теперь делать с домом?

Первый секретарь остановился. Повернувшись, он обвел всех взглядом и тихо проговорил:

- Сносить здесь все надо. Да поскорее.

